

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВА
И ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Цифровая демократия в условиях пандемии: этико-правовые и политические аспекты. Часть 1

УДК 340(34)

Мирошниченко Ольга Игоревна

Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Дальневосточной федеральный университет, Юридическая школа; E-mail: olga-star.05@mail.ru.

Мамычев Алексей Юрьевич

Доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий лабораторией политико-правовых исследований, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, факультет политологии; E-mail: mamychyev@polit.msu.ru.

Статья получена: 17.03.2020. Рассмотрена: 14.04.2020. Одобрена: 19.05.2020. Опубликовано онлайн: 04.06.2020. © РИОР

*Работа выполнена при финансовой поддержке
Гранта Президента РФ № НШ-2668-2020.6
«Национально-культурные и цифровые тренды
социально-экономического и политико-правового
развития Российской Федерации в XXI веке».*

Аннотация. В блоке из двух статей авторы рассуждают на тему эффективности механизмов цифровой демократии в кризисные периоды развития общества. В частности, объектами анализа становятся пандемия COVID-19 и вызванная ею ситуация. Делается предположение, что в государствах так называемого восточного типа, благодаря особенностям правового менталитета и наличию определенных архетипов, критические ситуации легче купируются публично-властными механизмами. Авторы полагают, что в определенных условиях инструментарий цифровой демократии может играть негативную роль, в частности, речь

идет о том, что в западных обществах то, что имеем авторы «медиавирус», — результат излишней информатизации и свободы слова — становится даже более опасным, чем его биологический двойник.

Ключевые слова: цифровая демократия, интернет-технологии, цифровизация, коронавирус, информатизация, свобода, права человека, пандемия

При аксиологической оценке правовой сферы (абстрагирование и дифференциация общества с точки зрения его базовых культурологических ценностей) обычно выделяют так называемую западную и восточную культурные правовые традиции. Многие современные правоведы полагают, что такого рода различия, как и указанная дифференциация в целом, — архаизм, а «конвергированные» правовые системы

DIGITAL DEMOCRACY IN THE CONTEXT OF THE PANDEMIC: ETHICAL, LEGAL AND POLITICAL ASPECTS. PART 1

Miroshnichenko Olga Igorevna

PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Law School, Far Eastern Federal University; E-mail: olga-star.05@mail.ru.

Mamychev Alexey Yurievich

Doctor of Political Science, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Laboratory of Political and Legal Research Lomonosov Moscow State University, Faculty of Political Science; E-mail: mamychyev@polit.msu.ru.

Manuscript received: 17.03.2020. Revised: 14.04.2020. Accepted: 19.05.2020. Published online: 04.06.2020. © RIOR

This work was financially supported by the Russian Federation Presidential Grant No. НШ-2668-2020.6 “National-Cultural and Digital

Trends in the Socio-Economic, Political and Legal Development of the Russian Federation in the 21st Century”.

Abstract. In a block of two articles, the authors discuss the effectiveness of digital democracy mechanisms in times of crisis in the development of society. In particular, the COVID-19 pandemic and the situation caused by become the object of analysis. It is assumed that in the so-called Eastern States, due to the peculiarities of the legal mentality and the presence of certain archetypes, critical situations are more easily stopped by public-power mechanisms. The authors believe that in certain conditions, the tools of digital democracy can play a negative role, in particular, it means that in Western societies, what the authors call the “mediavirus” — the result of excessive informatization and freedom of speech — may become even more dangerous than its biological founder.

Keywords: digital democracy, internet technologies, digitalization, coronavirus, informatization, freedom, human rights, pandemic

(в прошлом западного и восточного типа) на настоящем этапе представляют собой модели одного содержательного типа. Мы считаем невозможным согласиться с таким утверждением. Для начала обозначим основные различия между указанными традициями, в частности определим ценность права для конкретного общества и его положение как регулятора в системе социального регулирования. Впоследствии на базе выявленных дифференцирующих моментов мы объясним свою позицию по поводу их значения для современного правового регулирования.

Итак, для западной правовой традиции, также именуемой индивидуалистической, право является основной системообразующей ценностью, вознесенной на пьедестал и, в свою очередь, ставшей основой для формирования другой глобальной ценности — режима демократии. Таким образом, западное право — синоним индивидуальной свободы, демократия — форма ее наиболее успешной реализации. Еще древнегреческая демократия четко определила наиважнейшую и, пожалуй, основную характеристику западного права — вне зависимости от индивидуальных характеристик субъекты подлежат равнозначной правовой оценке. Основа западноевропейской культуры — так называемая концепция *private life* — означает, что индивид самостоятелен во всех проявлениях своей жизненной активности, вправе сам и совершенно свободно распоряжаться своей жизнью. Единственное неукоснительное западное табу — свобода оппонента. «Человек ответственен только за ту часть своего поведения, которая касается других. В остальном — абсолютно независим. Над собой, своим телом и душой личность суверенна» [9]. То есть западная справедливость — это формально равная свобода индивидов, отвечающих самих за себя, тогда как «в восточной культуре — вектор движения совсем иной, справедливость не устанавливается, а восстанавливается как утраченное равновесие или гармония» [15]. Образно выражаясь, западное общество устанавливает равные «правила игры» для всех своих членов, но оно не ответственно за тех, кто с игрой не справился. Таким образом, моральные и правовые ценности четко разведены [10].

Культуры восточного типа, наоборот, при позиционировании права как элемента системы социального регулирования всегда ставят его на подчиненное по отношению к религии и морали место. Логична и последующая оценка норматива правового типа — как соответствующего морально-религиозной основе или нет. В архаичном социуме все социальные нормативы, слитые воедино, достаточно успешно осуществляли необходимое регулирование. В западном обществе, как было показано выше, право достаточно быстро преобразовалось в особый и весьма эффективный социальный регулятор, основанный на принципах реализации индивидуальной свободы и формальной справедливости. Так называемое обычное право если и осталось в ареале формально-юридического регулирования, то лишь в качестве вторичного источника позитивного права. В восточных же обществах процесс правогенеза пошел совсем другим путем [14].

Итак, сущностной, абсолютной базой западноевропейской культуры является личность, научившаяся «отстаивать индивидуальные ценности, которая <...> уходит от общего «мы» и заменяет его индивидуальным, а порой и эгоистичным «я», что заставляет эту личность вступать в постоянную борьбу за свою духовную, интеллектуальную, нравственную независимость...» [13]; восточная же антропогенная аксиома звучит иначе: человек не важен сам по себе, как личность, ценность он обретает только как элемент целого. Запад акцентирует внимание на разуме, на научно-техническом прогрессе, на важности и уникальности человека как отдельной личности. Восток же долгое время в принципе не приемлет науку как самостоятельный вид деятельности, делает акцент на духовности. Неудивительно, что основой восточного права (как приемлемого и почитаемого в обществе реального регулятора общественных отношений) стало так называемое неписанное, или неотдифференцированное, обычное право, основным условием эффективности которого было внутреннее обязывание и долженствование [10].

Вышеизложенное не сделало этот регулятор, который на Западе вряд ли получил бы статус правового, «меньше правом». Он выполнял

свою функцию, и это главное. Более того, до сих пор во многих восточных обществах, например, в Японии внесудебный способ урегулирования по содержанию вполне правовых споров основан и включает в себя именно такие, внерационального типа, техники. Многие из них находят закрепление на законодательном уровне. Так, например, в 2009 г. в законе Японии «О финансовых инструментах и фондовых биржах» закреплено понятие системы альтернативного разрешения финансовых споров — системы ADR (financial ADR system). ADR является фактически институтом медиации и была создана в целях «быстрого, простого и гибкого» разрешения конфликтов [18]. В КНР же концепция примирения — лейтмотив законодательства в целом, включая основные положения гражданского и трудового права, и всё судопроизводство ему подчиняется...» [8]. Об этом может свидетельствовать Закон КНР «О народном посредничестве» [11]. Рассуждая об этих моментах, разумно сослаться на авторитет известного французского антрополога Н. Рулана, который, анализируя особенности социального регулирования в восточных странах, делает вывод: «Многие традиционные общества не только выработали в правовой области оригинальные концепции, но, более того, часто использовали то, что мы считаем нашим собственным изобретением: закон, суд, наказание, контракт...» [12].

В.В. Бочаров, характеризуя особенности правовой культуры восточных государств на настоящем этапе, утверждает, что сила «неписанного закона» генетически пронизывает всё восточное общество [2]. То есть фактически играет роль ядра правовой культуры, которое и формирует реальное правовое поведение и отношение к праву. Формальное же, или позитивное, право воспринимается на Востоке как нечто чуждое «нормальному» человеку, то, чего нужно стараться избегать всеми возможными способами — с одной стороны, а с другой стороны — то, что в силу традиционного страха перед принуждением привыкли соблюдать. И здесь нужно вспомнить еще об одном элементе-особенности Востока как части правового мира: о специфике азиатской формы развития в целом: развитие государства в усло-

виях жесткой социальной дифференциации и изначального политического неравенства. «Экономика была основана на государственной и общественной форме собственности, частная собственность — краеугольный камень западной свободы — либо не играла сколько-нибудь значимой роли, либо в принципе появилась на стадии, когда государство уже было сформировано» [10]. Как следствие, восточный человек был гораздо более стеснен и напуган природой, нежели западный. И этот иррациональный страх перед неизведанным, а не осознанное рациональное понимание необходимости сосуществования, как на Западе, становится основой повиновения перед всемогущим лидером/государем/государством. Непререкаемой, неоспариваемой и неоцениваемой, но, как ни странно, гораздо более эффективно работающей, нежели рационально-осмысливающий вариант Запада. Логично, что основным источником социальной регуляции на Востоке становятся сборники нравственно-религиозных положений. Нормы носят казуистический характер и дополняются в случае необходимости другими обычаями или установлениями монарха, воспринимаемого как полубог [10].

Фактически западноевропейское право защищало субъекта, обеспечивая его права, тогда как восточная культура через право преимущественно воспитывала. Так или иначе, обе традиции стремятся к гармонии. Однако если для европейца характерна формула «личное благо является залогом общесоциального...», что предполагает «возможность открытого конфликта, отстаивания собственных прав», то для гражданина, например, Китая «понятие гармонии тесно взаимосвязано с идеей ранжированности и упорядоченного функционирования субъекта как элемента общества», «вытекающее из конфуцианской идеи «совершенного мужа», готового ради общественного блага (гармонии) поступиться собственными интересами» [7].

Традиционно в современной политико-правовой науке устройство общества в рамках генерализованного режима демократии считается наиболее перспективным. Логично из вышесказанного вытекает и то, что идея демократии как механизма в полной мере реализующего индивидуальные права и свободы стала

популярной именно в западных государствах. Плюрализм мнений, возможность самостоятельно формировать органы управления, разделение государственной власти на три одновременно независимые и зависимые друг от друга ветви — всё это результат борьбы потомков древних греков со знаменитым «гоббсовским абсолютистским Левиафаном». Как следствие, конституирующим признаком современных западных демократий является развитое гражданское общество, которое, в свою очередь, формируется благодаря активному участию граждан в политической жизни.

На Востоке идеи демократизации в той или иной мере получили свое развитие только во второй половине XX века. Но это не была западная «власть народа», это был именно восточный либерализм, основой которого стала жесткая дисциплина, приоритет публичного права, централизованный метод регулирования как основа организации правовой системы и... всё тот же приоритетный способ разрешения конфликтов вне правового поля.

В послевоенное время именно Запад стал центром развития цивилизации. Неудивительно, что и демократия стала считаться наиболее перспективным политическим сюжетом, а «гражданское общество стало восприниматься как некий высший уровень социального развития, достигнутый странами Запада, на который всем остальным надо равняться» [3]. В рамках глобализации и конвергенции делались попытки интеграции основных либеральных институтов в политико-правовое поле «развивающихся государств». Развитие информационно-коммуникационных технологий серьезно ускорило этот процесс. Казалось, что момент реальной «прозрачности» государственного управления и, как следствие, потенциального полного контроля общества над деятельностью государственных органов действительно близок.

Гражданское общество получило возможность обсуждения наиболее актуальных проблем в режимах видеочатов, мессенджеров, онлайн-переводчиков, уже без всякой привязки не только к месту нахождения лиц, но даже и к языку и к конкретному государству, благодаря тому, что «Интернет способствует размыванию существовавших границ и иерархий...», «процесс получе-

ния информации сократился до нескольких кликов на странице браузера...» [1], «социальные медиа способствуют росту уровня гражданского самосознания» [6] и т.д. Отнесение в резолюции ООН от 3 июня 2011 г. права на доступ в Интернет к числу базовых и неотъемлемых прав человека в современном мире [5], как следствие, доступ к информации, обмен информацией стали настолько общедоступными явлениями, что казалось, действительно наступил предсказанный Лоуренсом Гроссманом «момент истины» [17] — великая эпоха цифровой демократии, электронная республика.

А потом наступил декабрь 2019 г. Уханьская эпидемия коронавируса, которая сначала коснулась исключительно восточных государств. Тоталитарный Китай справился ожидаемо легко, с помощью жестко централизованных мер. Так, У. Энгдаль отмечает, что «никогда прежде в истории современного общественного здравоохранения правительство не помещало целый город на карантин...» [16]. Южная Корея и Япония обошлись введением того, что впоследствии в Российской Федерации назовут полумерами. Иными словами, это была «настоятельная просьба» публичной власти к гражданам не выходить из дома с введением штрафов, которые по размеру несопоставимы с теми, которые позже были введены в Европе («восточные» штрафы, как ни странно, были гораздо ниже). По словам главы Министерства внутренних дел Франции Кристофа Кастанера, с 17 марта за несоблюдение мер по ограничению перемещений во Франции выписано 359 тыс. штрафов (информация на 01.04.2020), размер которых варьируется от 135 до 3750 евро [4]. Это в сотни раз выше, чем, например, реализованные штрафные санкции в Южной Корее. И тем не менее уже сегодня можно констатировать, что восточные государства справились, обойдясь минимальными потерями, а западные еще находятся в самом начале тяжелого пути.

Итак, Запад. Опустим неправовые моменты эпидемии. Полагаем, что авторы, не будучи специалистами в медицине и тем более эпидемиологии, не могут сколько-нибудь аргументированно рассуждать о необходимых с этой точки зрения мерах реагирования. Поэтому мы затронем лишь политико-правовой аспект. Так

вот, на наш взгляд, в западных государствах случился реальный политико-правовой коллапс, вызванный неспособностью развитых демократических государственных структур справиться с кризисной ситуацией. Этот тезис нуждается в конкретизации: на наш взгляд, кризисная ситуация была серьезно катализирована описанными выше весьма демократическими «цифровыми нововведениями». Пьедестал западной демократии — свобода слова и выражения собственного мнения — стал «подрывной бомбой» в сложившихся условиях. Вирус, который на Востоке благодаря жесткой дисциплине и ментальной уверенности граждан в необходимости следовать властным велениям, какими бы неразумными они ни казались, остался лишь медико-биологическим, на Западе превратился в реальную медиаугрозу.

В итоге сегодня западное государство столкнулось с серьезной проблемой: с одной стороны, базовым архетипом, ломка которого чревата серьезными социальными катаклизмами, является стремление граждан к свободе и формированию государства «для себя» с возможностью

его контроля и высказывания собственного мнения по любому вопросу; с другой стороны, в отсутствие архетипа безусловного подчинения государству, как на Востоке, и одновременно бесконтрольности Интернета вирусная «медиа-угроза» становится опаснее самого биологического вируса. И мы видим, как в один момент весь инструментарий цифровой демократии оборачивается против общества, становясь источником всеобщей паники и сомнений.

Таким образом, очевидно, что демократия как политический режим может быть неэффективна на кризисных этапах развития общества. Цифровая же демократия, предлагающая огромное количество возможностей в «мирное время», обеспечивающая процветание гражданского общества, прозрачность бюрократической системы, интеграцию населения в управление через повсеместный доступ к информации — эта же конструкция становится не просто не эффективной, но губительной в ситуациях, когда государству необходимо подключать жесткие авторитарные механизмы.

Литература

1. Азнагулова Г.М., Заманов А.Р. Влияние интернет-технологий на развитие гражданского общества в современной России // *Аллея науки*. — 2019. — Т. 1. — № 5(32). — С. 596–600.
2. Бочаров В.В. Неписанный закон: Антропология права. Научное исследование. — 2-е изд. — СПб.: Издательство АИК, 2013. — 328 с.
3. Вершинин А.А. Становление гражданского общества на западе: история и осмысление // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. — 2014. — № 2. — С. 51–60.
4. Во Франции за две недели выписали 359 тысяч штрафов по карантину [Электронный ресурс] // *РИА Новости*. — URL: <https://ria.ru/20200401/1569432479.html>.
5. Гаврилова Ю.А., Фалалеева И.Н. Концептуально-правовые основы электронной России // *Вопросы российского и международного права*. — 2018. — № 8(12А). — С. 7–16.
6. Лозинская Е.В., Зубарева Е.Г. Интернет-коммуникации как инструмент политической борьбы и развития гражданского общества в XXI веке // *Социально-экономические и гуманитарные науки: сборник избранных статей по материалам Международной научной конференции (Санкт-Петербург, декабрь 2019)*. — СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», 2020. — С. 54–56.
7. Малиновская Н.В. Особенности понимания права в Китае: проблемы совместимости с европейской концепцией // *Современный ученый*. — 2019. — № 4. — С. 320–325.
8. Марков С.М. Переговоры и медиация при разрешении трудовых споров: опыт КНР Юридический процесс: теория и практика: сборник статей преподавателей, аспирантов, студентов юридического факультета / Отв. ред. канд. юрид. наук, профессор В.Н. Ширяев; канд. юрид. наук, доцент Ю.Н. Лебедева. — Хабаровск: ХГАЭП, 2012. — С. 110–117.
9. Милль Дж. О свободе // *Наука и жизнь*. — 1993. — № 11. — С. 11.
10. Мирошниченко О.И. Архетипическая составляющая права как основа дифференциации западной и восточной правовой традиции // *Гражданин и право*. — 2016. — № 1. — С. 41–48.
11. О народном посредничестве: Закон КНР от 28.08.2010 (вступил в силу с 1 января 2011 г.) [Электронный ресурс]. — URL: www.chinalawinfo.ru.
12. Рулан Н. Юридическая антропология. — М., 2000. — С. 299.
13. Сигалов К.Е. Идеино-ценностные основы формирования западноевропейского права // *Пространство и время*. — 2015. — № 1–2(19–20). — С. 24–31.
14. Сигалов К.Е., Мукиенко И.Н. Еще раз о загадках русской правовой культуры // *Пространство и время*. — 2016. — № 1–2. — С. 167–176.
15. Степанянц М.Т. Россия в диалоге культур Восток-Запад [Электронный ресурс]. — URL: <http://dialog-kultur.ru/main.php-G=550500000&ar3=200&ID=431220.htm>.
16. Engdahl F.W., Lock S. *This Is No Futuristic Scenario: Panic and the Post-Pandemic Future?* 10 March 2020. URL: <https://www.globalresearch.ca/lock-step-no-futuristic-scenario/5705972>.
17. Grossman L.K. *The Electronic Republic: Reshaping Democracy in the Information Age*. New York: Viking Penguin, 1995. 290 p.
18. Kazuyuki Ichiba. A New ADR System in the Japanese Financial Industry. *JCAA Newsletter*. 2012, no. 27.

References

1. Aznagulova G.M., Zamanov A.R. Influence of Internet technologies on the development of civil society in modern Russia. *Alley of science*. 2019, vol. 1, no. 5 (32), pp. 596–600.
2. Bocharov V.V. *The Unwritten law: the Anthropology of law. Scientific research*. 2nd ed. St. Petersburg: AIK Publishing house, 2013. 328 p.
3. Vershinin A.A. Formation of civil society in the West: history and understanding. *Contours of global transformations: politics, Economics, law*. 2014, no. 2, pp. 51–60.
4. In France for two weeks was discharged 359 thousand in fines and quarantine. *RIA Novosti*. URL: <https://ria.ru/20200401/1569432479.html>.
5. Gavrilova Yu.A., Falaleeva I.N. Conceptual and legal bases of electronic Russia. *Questions of Russian and international law*. 2018, no. 8(12), pp. 7–16.
6. Lozinskaya E.V., Zubareva E.G. Internet communication as a tool of political struggle and the development of civil society in the XXI century. *Socio-economic Sciences and Humanities: a collection of selected articles on materials of International scientific conference (St. Petersburg, December 2019)*. St. Petersburg: GNII “Nerazviti”, 2020. Pp. 54–56.
7. Malinovskaya N.V. A particular understanding of law in China: problems of compatibility with the European concept. *Modern scientist*. 2019, no. 4, pp. 320–325.
8. Markov S.M. *Negotiations and mediation in resolving labor disputes: the experience of the PRC Legal process: theory and practice: a collection of articles by teachers, postgraduates, students of the faculty of law* / Ed. by legal Sciences, Professor V.N. Shiry-aev; Cand. the faculty of law Sciences, associate Professor Yu.N. Lebedev. Khabarovsk: KHGAEP, 2012. Pp. 110–117.
9. Mill J. About freedom. *Science and life*. 1993, no. 11, p. 11.
10. Miroshnichenko O.I. Archetypal component of law as the basis for differentiation of Western and Eastern legal traditions. *Citizen and law*. 2016, no. 1, pp. 41–48.
11. The law of the people’s Republic of China dated 28.08.2010 “On people’s mediation” (entered into force on January 1, 2011). *China law*. URL: www.chinalawinfo.ru.
12. Rulan N. *Legal anthropology*. Moscow, 2000. P. 299.
13. Sigalov K.E. Ideological and value bases of formation of Western European law. *Space and time*. 2015, no. 1–2(19–20), pp. 24–31.
14. Sigalov K.E., Mukienko I.N. Once again about the riddles of Russian legal culture. *Space and time*. 2016, no. 1–2, pp. 167–176.
15. Stepanyants M.T. *Russia in the dialogue of cultures East-West. Dialog-Kultur*. URL: <http://dialog-kultur.ru/main.php-G=550500000&ar3=200&ID=431220.htm>.
16. Engdahl F.W., Lock S. *This Is No Futuristic Scenario: Panic and the Post-Pandemic Future?* 10 March 2020. URL: <https://www.globalresearch.ca/lock-step-no-futuristic-scenario/5705972>.
17. Grossman L.K. *The Electronic Republic: Reshaping Democracy in the Information Age*. New York: Viking Penguin, 1995. 290 p.
18. Kazuyuki Ichiba. A New ADR System in the Japanese Financial Industry. *JCAA Newsletter*. 2012, no. 27.